

УДК 82

К. ПОБЕДОНОСЦЕВ В РОЛИ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА (ПО РОМАНУ Б. АКУНИНА «ПЕЛАГИЯ И КРАСНЫЙ ПЕТУХ»)

© 2013 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 10.02.2013

Рассматривается образ К. Победина в романе Б. Акунина «Пелагия и красный петух», анализируется переключка взглядов К. Победоносцева с философской концепцией героя «Легенды о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: Победоносцев, великий инквизитор, утилитаризм в этике, христианство.

Фигура Константина Победоносцева интересна с исторической точки зрения, поскольку этот человек в своё время играл серьёзную роль в политике государства: «Видный ученый, литератор и публицист, влиятельный сановник, наставник и советник двух последних царей, он был активным участником идейно-политической борьбы второй половины XIX – начала XX в.» [1]. Однако его практически обошла вниманием отечественная литература XX века, исключая, пожалуй, Блока, написавшего известные строки: «Победоносцев над Россией простёр совиные крыла». И вот в начале XXI в. Константин Победоносцев выступает в качестве литературного героя, причём в произведении детективного жанра. Это заключительный роман трилогии Б. Акунина «Провинциальный детектив» – «Пелагия и красный петух».

Весь сюжет этого произведения выстраивается вокруг судьбы героя по имени Эммануил, который выступает в разных ипостасях: человека, пророка, Бога; во всяком случае, героиня-детектив Пелагия, познакомившись и пообщавшись с ним, полагает, что перед ней не просто человек, а сам Иисус Христос (далеко не все читатели и критики согласны с этим утверждением, о чём речь пойдёт ниже). И финал этой истории представляет собой прямую проекцию сюжетной ситуации, развёрнутой в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в «Легенде о великом инквизиторе». В роли инквизитора выступает Константин Петрович Победин, обер-прокурор Святейшего Синода (имя персонажа и должность недвусмысленно указывают на прототип – К. Победоносцева). Ассоциация с кардиналом из «поэмы» Ивана Карамазова прямо подчеркнута Б. Акуниным в портретной характеристике своего героя: «Вблизи обер-прокурор оказался высоким и прямым, с иссохшим лицом, со впалыми глаза-

ми, которые светились умом и силой. Глядя в эти удивительные глаза, Бердичевский вспомнил, что недоброжелатели называют обер-прокурора Великим Инквизитором. Оно и неудивительно – похож» [2, т. 2, с. 179]. В роли же Пленника выступает Эммануил. Взаимоотношения героев внешне определяются детективной интригой: их разговор должен объяснить читателю подоплёку сложной цепи загадочных событий. Однако это вовсе не исключает философской проблематики эпизода, особенно если учесть феномен так называемого двойного кодирования в литературе постмодернизма. И у Б. Акунина мы видим отражение философско-этических вопросов одного из сложнейших произведений Ф.М. Достоевского – «Легенды о великом инквизиторе».

Интересна *художественная форма* переосмысления «Легенды» в романе Б. Акунина. У Достоевского философская концепция великого инквизитора воплощена в форме *диалогичного монолога*: формально перед нами монолог великого инквизитора, но по сути это диалог двух взглядов на мир, историю и человека; при этом точку зрения молчащего Пленника выражает сам кардинал, полемизируя с ним. Великий инквизитор подробно аргументирует свою позицию, полемизируя с христианской концепцией мира. У Акунина философская идея выражена гораздо более кратко и упрощённо, что соответствует жанровым особенностям произведения (ведь перед нами не философский роман, а детектив, где должно быть динамичное действие и как можно меньше ретардаций), однако *построение эпизода более замысловатое*. Здесь перед нами два диалога, сконструированных довольно сложно.

Первый из них (не хронологически, а по сюжету) – это разговор К.П. Победина с прокурором Матвеем Бердичевским. Он посвящён Эм-

мануилу. Победин воспринимает его появление на земле как угрозу для России и даже более того – для христианства, поскольку считает, что он несёт людям «болезнь неверия». Правда, *в отличие от великого инквизитора, обер-прокурор Святейшего Синода видит в своём противнике не Христа, а, наоборот, злого духа*, который вознамерился нанести удар по России, ставшей из-за «шатания порядка и веры» удобной мишенью для этого. И задачу – свою и своих единомышленников – Победин видит в уничтожении этого врага. А попутно ему приходится отдать приказ уничтожить и Пелагию, которая помогает Эммануилу и способна разгадать суть заговора, направленного против него. Действия обер-прокурора – практическое воплощение «утилитарной этики», согласно которой благая цель – забота о будущем всего общества – оправдывает любые средства, не исключая ложь и манипуляцию сознанием обывателей (Победин и его помощники позаботились о том, чтобы Эммануила считали человеком недостойным, опасным), а также прямое насилие – убийство.

Кроме того, у Победина есть и вполне «инквизиторский» замысел в отношении революционных сил в России, которые, по его мнению, разрушают страну и уничтожают в людях веру. Обер-прокурор, будучи умным и проницательным человеком, понимает, что репрессии в отношении революционеров лишь позволят им обрести популярность: они будут восприниматься как жертвы своей преданности идеям социальной справедливости, равенства и братства. Гораздо перспективнее «пойти другим путём»: нужно сделать так, чтобы революционеров воспринимали не как жертв, а как палачей. Необходимо провести серию террористических актов и приписать их революционным деятелям, чтобы был повод для ненависти к ним и для расправы с ними. Победин готов принести в жертву нескольких важных сановников. Эту «кровь по совести» обер-прокурор морально оправдывает: можно пожертвовать тем или иным человеком, чтобы в результате спасти многих. Это логика героев Ф.М. Достоевского, родственных по своим взглядам, – и Раскольникова, и Шигалёва, и великого инквизитора: наибольшее счастье наибольшего количества людей – любой ценой. Мотив действий Победина, таким образом, субъективно вполне нравственный и гуманный, как и у героев Достоевского. В данном случае это желание спасти Россию, мораль и веру. Прототип героя – К. Победоносцев – тоже преследовал именно эту цель: «Консервативный сановник считал необходимым оберегать «простых людей» от «соблазна», чем опре-

делялась его жесткая цензурная политика, борьба против иноверия и религиозного инакомыслия» [1].

Конкретный же путь к осуществлению цели становится в романе Б. Акунина губительным, безнравственным и противоречащим христианской этике. Например, при всей внутренней симпатии к Пелагии как к человеку умному и незаурядному, Победин, хотя и сожалеет о необходимости жестокого решения, всё-таки приговаривает её к смерти, и причина в том, что Пелагия помогает Эммануилу. Обер-прокурор уверен, что было бы преступлением *не уничтожить* человека, который несёт в себе угрозу для общества. Что касается «приговорённых» сановников, то они ничем не провинились сами по себе, но их гибель необходима, с точки зрения обер-прокурора, ради общего блага, т. е. ради борьбы с революционными настроениями. Натура его сопротивляется этому решению, антихристианскому по своей сути, но он готов подавить в себе эмоции, перешагнуть через истинно человеческое начало в себе – этим вызваны *страдания героя, которые вполне можно назвать «инквизиторскими»*, в основе их лежит противоречие между натурой и идеей. Победин, говоря о своих переживаниях, использует то же слово «проклятие», что и герой Достоевского. Обер-прокурор объясняет, что он фактически жертвует собственной душой ради любви к людям, как он её понимает. Так и великий инквизитор говорил Пленнику о своих страданиях из-за необходимости постоянной лжи. Так и Раскольников рассказывал Сонечке, что если бы было нужно пролить не чужую кровь, а свою, то он не задумываясь сделал бы это. А Победин в романе Акунина заходит ещё дальше. Чтобы вызвать в обществе неприятие революции, он собирается «от имени» революционеров-террористов организовать и собственное убийство, так как уверен, что это произведёт большое впечатление на людей. Как видим, герой готов пожертвовать и душой, и жизнью ради осуществления своего плана по спасению страны. В этом он, что называется, «святое папы» (точнее, великого инквизитора) – здесь сказывается *жанровая специфика детектива, где зачастую утрируются и качества человека, и напряжённость сюжета*. Однако эта нарочитость не меняет философской стороны взглядов героя Б. Акунина. «Кровь по совести» в отношении и себя, и других – такова суть проблемы, вокруг которой выстраивается диалог Победина с Бердичевским.

Второй диалог построен сложнее – можно сказать, *по принципу матрёшки*. Внешняя его форма – это письмо Пелагии к её духовному

наставнику отцу Митрофанию, фактически *диалогичный монолог в письменной форме*. А в нём Пелагия передаёт свой диалог с Эммануилом – в этом диалоге рассказывается о его встрече и разговоре с обер-прокурором Побединым. Именно в этом последнем, «внутреннем» диалоге раскрываются философские убеждения конфликтующих героев.

И здесь происходит неожиданный – в духе детектива – поворот в развитии философского «сюжета»: становится ясно, что в действительности Константин Петрович Победин воспринимает Эммануила совершенно иначе, чем говорил Матвеем Бердичевскому. Просто в разговоре с Бердичевским обер-прокурор стремился убедить собеседника, что необходимо уничтожить Эммануила ради защиты христианской веры, поэтому он называл этого «пророка» воплощением зла. В последнем же диалоге недвусмысленно показано: Победин видит, что перед ним, наоборот, олицетворение высшей, небесной силы (правда, насколько это будет верно, если смотреть не глазами автора романа, а с точки зрения христианства, – большой вопрос; об этом ещё пойдёт речь ниже). Точно так же для великого инквизитора Пленник – это сам дух христианства. В романе Б. Акунина перед нами диалог в духе Достоевского: один из собеседников олицетворяет собой христианский взгляд на мир (как его понимает автор романа), второй же – антихристианское начало (опять же в понимании автора произведения). Только у *Достоевского первый из этих героев молчит* (во-первых, потому, что его позиция уже была выражена более двух тысяч лет назад, а во-вторых, потому, что его взгляды высказывает второй герой, споря с ними). *У Акунина же происходит диалог в прямом смысле слова*. И начинается он практически прямой цитатой из «Легенды о великом инквизиторе». Обер-прокурор говорит своему пленнику, как и герой Достоевского: «Это ты? Ты?!». Великий инквизитор сам предупредил возможный ответ: «Не отвечай, молчи!». Обер-прокурор отвечает на свой же вопрос сам: «Сам же себе и ответил: “Ты...”» [2, т. 2, с. 262]. Великий инквизитор не хочет слышать ответ, поскольку ему, как объяснил автор «поэмы» Иван Карамазов, всё равно, с кем он разговаривает, важно лишь выговориться; он использует всё своё красноречие, только чтобы морально оправдать свою позицию, причём не столько перед Пленником, сколько перед собственной совестью. Победину ответ не нужен, поскольку он его знает. И он даже не пытается оправдаться. Но такая попытка была в разговоре с Бердичевским о благородной цели и антигуманных средствах, и Мат-

вей Бенционович это почувствовал: «Это он не мне говорит, а Господу Богу, понял Матвей Бенционович. Стало быть, всё же надеется на его прощение» [2, т. 2, с. 192].

Как и великий инквизитор, Победин в последнем диалоге крайне эмоционально вопрошает своего собеседника, вновь почти прямо цитируя героя Достоевского: «Зачем ты пришёл мне мешать?». Он стремится убедить Эммануила, что его проповедь свободы духа и доверия к человеку преждевременна, поскольку человеческая природа несовершенна и люди нуждаются в сильной власти: «Клянусь, человек слабее и ниже, чем ты думал!» [2, т. 2, с. 262] – снова вторит К. Победин великому инквизитору.

В «Легенде» Достоевского кардинал сначала решает казнить Пленника, но не в силах это сделать, его натура сопротивляется такому поступку, поэтому он отпускает Пленника, но с тем чтобы он больше не приходил к подданным инквизиторского государства. У Акунина и эта ситуация «перевернута»: сначала Победин, желая избежать жестокости, предлагает Эммануилу просто уйти, но тот отвечает, что это невозможно, и тогда обер-прокурор принимает решение его уничтожить, правда, не прямым приказом, а с помощью хитроумной интриги. Как видим, *в обоих случаях авторы показывают внутреннюю борьбу антигуманной идеи с натурой героя «инквизиторского» типа, но результат этой борьбы разный*.

В произведениях XX в., в которых изображается государственный деятель как носитель утилитарной этической идеи¹, обычно поднимается вопрос о роли религии в жизни социума. И с точки зрения Победина, основа существования государства – это неизменные религиозные законы, которыми живёт общество. Причём в первом диалоге (Победина с Матвеем Бердичевским) всё выглядит так, будто герой отстаивает христианство, как он его понимает, и борется с тем, в ком видит угрозу христианству. Однако во втором диалоге (Победина с Эммануилом) выясняется, что ситуация прямо противоположная. И такое «выворачивание» ситуаций, игра смыслами вполне свойственны детективному жанру, тем более постмодернистскому детективу. Оказывается, что обер-прокурор считает опасным для государства *именно носителя христианских взглядов* на человека. Здесь, однако, необходимо принципиальное уточнение: *христианскими они являются лишь с точки зрения автора книги*, критика же во многих случаях прямо пишет о кощунстве Б. Акунина, об извращении им сути христианства. А. Гриценко, например, озаглавил свою статью о романе «Пелагия и красный

петух» весьма красноречиво – «Пощёчина христианству» [5]. Н. Гордиенко в своей работе назвала трилогию о Пелагии «псевдодуховной литературой» [6], и нельзя не согласиться, что для таких высказываний есть основание. Да и сам Б. Акунин говорит о своей игре с евангельскими сюжетами². Стоит заметить, что евангельские сюжеты – это, безусловно, не материал для игр, тем более достаточно фривольных. Но текст Б. Акунина тем не менее написан и опубликован, он существует и, как любой литературный текст, требует филологического анализа. А чтобы понять довольно причудливую трансформацию «инквизиторской» идеи в романе, нужно исходить из авторской позиции. Итак, с точки зрения автора, Эммануил – выразитель христианского взгляда на мир, и именно это считает опасным обер-прокурор К. Победин.

Эта ситуация – прямая проекция «Легенды о великом инквизиторе», где герой считает Пленника – воплощение христианства – врагом своего государства, которое основано на *формальной стороне* христианства и при этом игнорирует его *суть* – духовную свободу, свободную веру.

Если говорить о *построении* диалога героев, то, в отличие от Пленника у Достоевского, Эммануил у Акунина вовсе не стремится хранить молчание, как отмечалось выше. Он искренне настроен на общение с собеседником, стремится его понять и выразить свою позицию, он даже сожалеет, что разговор был прерван по воле Победина (который, видимо, решил, что позиции выяснены и дальнейшее общение бессмысленно, а возможно, он опасался мистического дара Эммануила, которому никто не мог противостоять). Почему становится возможным такой разговор? Потому что об акунинском Эммануиле нельзя сказать, что его позиция уже твёрдо выражена в Евангелии (как великий инквизитор говорил о Пленнике: Он уже сказал всё, что мог и считал нужным, причём сказал давно). Взгляды акунинского героя – это, разумеется, не каноническое христианство, но в них всё же есть аспект, который к христианскому миропониманию близок, и касается это отношения к человеку: нужно видеть в нём хорошее, детское, доверять ему, дать ему свободу воли. Из этого, правда, Эммануил делает вывод, что лучше не заключать религиозное чувство в рамки церковных канонов. С этим могли бы не согласиться религиозные деятели и философы: конечно, смысл веры не столько в форме, сколько в содержании, но ведь «форма содержательна». Итак, Эммануил проповедует доверие к человеку и свободу, и именно это Победин считает разрушением основ религии, на которой и строится государство.

Одним из центральных в этом философском споре является вопрос о свободе, как и в «Легенде о великом инквизиторе». Свобода духа и воли – она не избирательна: это освобождение не только добрых начал в человеке, но и разрушительных. Не случайно великий инквизитор говорил, что, будучи свободными, люди в конечном итоге способны истребить друг друга: человек «слабее и ниже», чем требует высокая духовность, которая в идеале должна сочетаться со свободой. И в романе Б. Акунина Победин опасается, что люди ещё не доросли до свободы и используют её во зло: «Они пока ещё совсем несмышлёныши, без строгих пастырей им нельзя – погибнут. Клянусь, человек слабее и ниже, чем ты думал! Он слаб и подл. Ты пришёл слишком рано» [2, т. 2, с. 262]. *Как и у Достоевского, здесь обсуждение вопроса о свободе выливается в вечный спор о соотношении добра и зла в человеческой природе.* Однако у Акунина идёт речь *о человеке как некоем бессознательном орудии*, игрушке в руках злых сил, а автор показывает, что во многих случаях так и есть (исключая, пожалуй, Пелагию и Митрофания: они представлены как борцы со злом), в то время как у Достоевского *душа человека – это «поле битвы» добра со злом.* Подобным «полем битвы» является, в частности, духовный мир Ивана Карамазова, суть которого во многом выражена в «Легенде о великом инквизиторе», и сам великий инквизитор – живое воплощение такой борьбы, не случайно в его образе присутствует трагическое начало, а в его монологе – трагическая напряжённость, особенно в кульминационном моменте, когда инквизитор так и не может сделать последний шаг и погубить Пленника.

Как видим, во взглядах К. Победина в романе «Пелагия и красный петух» можно увидеть проекцию (значительно выпрямленную и упрощённую в философском отношении, но усложнённую в отношении формальном) идеи великого инквизитора. В качестве прототипа героя выбран К. Победоносцев. И нужно сказать, что в его взглядах были некоторые моменты, позволяющие провести параллель с концепцией великого инквизитора (эти моменты, правда, не нашли чёткого воплощения в романе Б. Акунина, тем не менее, на наш взгляд, они заслуживают внимания, коль скоро речь идёт о параллелях с философской проблематикой произведения Ф.М. Достоевского). Например, рассуждая о парламентаризме как о «великой лжи», этот государственный деятель писал: «Люди, по природе, делятся на две категории: одни не терпят над собою никакой власти и потому необходимо стремятся господствовать сами; другие,

по характеру своему страхась нести на себе ответственность, соединенную со всяким решительным действием, уклоняются от всякого решительного акта воли; эти последние как бы рождены для подчинения и составляют из себя стадо, следующее за людьми воли и решения, составляющими меньшинство» [8]. Есть здесь, безусловно, общее с теорией Раскольникова, с «шигалёвщиной» и с убеждениями великого инквизитора, считающего, что единственно возможная организация общества – это подчинение миллионов, многочисленных, «как песок морской», миллионов порочных, слабых, ничтожных существ – подчинение их тысячам «великих и сильных», взявших на себя и ответственность, и «проклятие познания добра и зла».

К.П. Победоносцев писал и о том, что потребность в вере есть коренное свойство человека, даже фактически утратившего Бога в душе своей, поэтому и становится возможной религия без Бога [8]. Великий инквизитор тоже признавал религиозное чувство неизменным свойством человека, а потому, фактически отказавшись от самой сути христианства, он сохраняет для обычных людей внешнюю сторону религии: невозможно было бы в государстве, где люди считают себя христианами, удержать власть и обеспечить порядок, если правитель признал бы, что отошёл от христианства, приняв три искушения. Победоносцев, однако, такой «религии без Бога» не приемлет, а великий инквизитор управляет своим государством именно с помощью лжерелигии, которая по форме является христианской, а по сути основана на антихристианстве.

В вопросе же о роли религии для управления государством К.П. Победоносцев вполне мог бы согласиться с великим инквизитором. Российский политик тоже считал, что именно религия является тем инструментом, который помогает добиться того, чтобы люди шли за правителем: «Доверие массы народа к правителям основано на вере, т. е. не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует» [8]. Он констатировал, что даже то государство, которое становится безрелигиозным по своему духу, вынуждено оставаться религиозным с формальной стороны: «...и новейшее государство, отрекаясь от органического союза с христианскою церковью, не может обойтись без форм и обрядов, предполагающих христианское верование»; «государство безверное есть не что иное, как утопия невозможная к осуществлению» [8].

Однако в рассуждениях К.П. Победоносцева о церкви и её значении для общества есть и такой принципиальный момент, который *отлича-*

ет его взгляды от идеи великого инквизитора. Герой Достоевского практически уничтожил границу между церковью и государством, сделав религию политическим инструментом, то есть превратив церковь в государство. У К.П. Победоносцева же была мысль о том, что, скорее, государство должно стать своего рода церковью, понимаемой как «собрание христиан» [8]. И эта мысль родственна уже не убеждениям великого инквизитора, а идеям статьи Ивана Карамазова о церкви и государстве, в которой выражались мысли, противоположные инквизиторским: «...всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь, <...> отклонив всякие несходные с церковными свои цели. <...> Если бы всё стало церковью, то церковь отлучала бы от себя преступного и непослушного, а не рубила бы тогда голов», поскольку настоящее наказание заключается «в сознании собственной совести» [9].

Как видим, мировоззрение К.П. Победоносцева являет собой живое противоречие, как и мировоззрение Ивана Карамазова, да и других героев Ф.М. Достоевского, так что сопоставление идей этого государственного деятеля с философскими проблемами, к которым обращался Ф.М. Достоевский, имеет под собой основания.

Если же вернуться к роману Б. Акунина, то стоит отметить, что в нём идея великого инквизитора трансформируется в довольно замысловатой форме, при значительном упрощении философской стороны. И это во многом объясняется жанровыми особенностями детектива, а также постмодернистским принципом игры с классическими сюжетами.

Примечания

1. В «Божеполье» Л.И. Бородина, в «Пирамиде» Л.М. Леонова. См. об этом: Сухих О.С. Идея великого инквизитора в «смутные времена» конца XX века (по повести Л.И. Бородина «Божеполье») [3]; Сухих О.С. Два философских диалога («Легенда о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского и «Пирамида» Л.М. Леонова) [4].
2. Цит. по: Огрызко В. И снова Акунин [7].

Список литературы

1. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-264595.html>
2. Акунин Б. Пелагия и красный петух. В 2 т. М.: АСТ, 2003.
3. Сухих О.С. Идея великого инквизитора в «смутные времена» конца XX века (по повести Л.И. Бородина «Божеполье») // Европейский журнал со-

циальных наук (European social science journal). Рига; М. 2011. № 2. С. 43 – 50.

4. Сухих О.С. Два философских диалога («Легенда о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского и «Пирамида» Л.М. Леонова) // Вестник ННГУ. 2012. № 6. С. 321–328.

5. Гриценко А. Пощёчина христианству, или Слон в посудной лавке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/article.php?article=393>.

6. Гордиенко Н. Холмс в юбке. [Электронный ре-

сурс]. Режим доступа: <http://www.blagovesti.ru/arhiv/nom12.files/Page634.htm>.

7. Огрызко В. И снова Акунин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/archive/131/person/3153.php>.

8. Победоносцев К.П. Статьи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/439882.html>.

9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 511 с.

K. POBEDONOSTSEV AS THE GRAND INQUISITOR (B. AKUNIN'S NOVEL «PELAGIA AND THE RED ROOSTER»)

O.S. Sukhikh

The author considers the character of K. Pobedin in the novel «Pelagia and the Red Rooster» by B. Akunin and analyses the coincidences between the views of K. Pobedonostsev and the philosophic concept of the Grand Inquisitor by F.M. Dostoyevsky.

Keywords: Pobedonostsev, Grand Inquisitor, utilitarianism in ethics, Christianity.